

Ушел из жизни наш давний и всегда желанный автор — Александр Ягодкин. Незаурядный прозаик, неординарный журналист, верный товарищ, интеллигентный, скромный человек — это все о нем... Несколько его последних публикаций в «Подъеме» были наполнены особой мудростью и щемящей ностальгией о прошлом. Будто что-то чувствовал... Этот рассказ — последний, который он прислал в «Подъем» совсем недавно.

* * *

Обычный выходной из прошлого, в котором много всякого уместилось. Такой день не помечают в календаре памятных дат. Но я порой думаю: не прячется ли в нем ключик к смыслу жизни?

Недалеко от нашего дома есть озеро — асфальтовые берега, два десятка ив. Рядом проспект, машины ревут, а в озере идет своя маленькая жизнь. Жуки, пиявки, водоросли и даже рыбы. Возвращаясь с работы, я часто останавливаюсь здесь на несколько минут. Смотрю на мальков и на

взрослых рыб, поедающих что-то с поверхности воды; однажды вечером я видел, как караси мечут икру — за этим можно наблюдать часами.

Летом на озере сидят с удочками мальчишки и ловят карасиков размером с ладонь. Самых маленьких принято отпускать. Не все могут справиться с желанием оставить рыбку себе, и тогда мальчишки начинают галдеть со всех сторон:

— Выпусти! Выпусти, он еще маленький!

— Я таких всегда выпускаю!

— Да я ничего, — оправдывается поймавший, — я и сам собирался отпустить.

Если кому-то попадется сытый взрослый карась, рыбаки потихоньку стягиваются поближе и начинают усердно хлестать воду удочками.

Однажды мы с малышом тоже пришли сюда с удочкой; мне пришлось ее купить, потому что он все ныл-ныл и старался вести себя хорошо. Наташка приготовила нам тесто, детские воспоминания о рыбалке тоже влекли меня к озеру, да и Малышу хотелось сделать приятное.

Однако в тот день нам не везло. Клев был — мелочь непрерывно терзала наживку, но поймать рыбу нам никак не удавалось.

— Ну что, — спрашивал Малыш, — когда мы поймаем?

— Понимаешь, — отвечал я, — это все мелюзга. Они даже крючок проглотить не могут, только дергают его. А большие что-то не хотят наше тесто есть.

А Малыш особенно и не переживал. Он нашел себе дело: налил на асфальтовой дорожке лужу, пускал туда жуков и смотрел, как они плавают.

Мне все же удалось поймать одного карасика, я стал звать малыша, а соседние мальчишки смотрели на меня с презрением.

Карася посадили в ведро, он там плавал и даже пытался выпрыгнуть. Малыш сидел рядом на корточках, трогал его, сопел и что-то пел потихоньку.

— Что ты его все время хватаешь? — сказал я. — Больно ведь ему! Тебя бы великан какой поймал и стал за шею хватать.

Он убрал руки, но долго выдержать не смог и снова стал брать карася в руки, открывать ему рот...

Тут подошел мальчишка и сказал:

— Какой маленький! Мы таких выпускаем, пусть подрастут.

Нам пора было возвращаться домой, и я смотал удочку. А мальчишка тот все стоял рядом, и я сказал:

— Давай отпустим его, а?

Малыш спрятал руки за спину и покачал головой:

— Нет, не хочу. Пусть он у нас живет. Я его кормить буду.

— Понимаешь, карасик этот все равно один. Скучно ему. Ты б хотел один? А у нас он все равно умрет. В водопроводной воде рыбы умирают.

— У меня же никогда не было такого карасика. Я давно такого хотел.

— Ну и что? — заговорил мальчишка. — Малявок нельзя ловить, их по закону отпускать надо.

— Ладно, — сказал Малыш, — не нужен мне этот дурацкий карась.

Он повернулся и пошел к дому. Я бросил рыбешку в озеро, взял ведро и удочку, а когда догнал Малыша, увидел, что он плачет. Идет и тихо воет, и слюни пересекают его раскрытый рот.

«Ты хотел устроить праздник сыну, — подумал я. — Вот тебе праздник, и он запомнится».

Я взял его на руки, и тогда он заревел в голос, стал отпихиваться и кричать:

— Не хочу, отпусти меня! Ничего мне не надо! Уйду от вас странствовать!

Я пытался его утешить, но ничего не получалось, хотя позже он позволил взять себя за руку и шел домой покорно. У подъезда я сел на лавочку, а Малыш все еще ревел, причитая.

— Знаешь, — сказал я, — ты ладно, поплачь, это с каждым бывает, а я тебе пока расскажу, какой сейчас праздник у карасей будет.

— Какой еще праздник? — всхлипнул он. — Нет у них никакого праздника.

— А как же, вернулся этот карасик домой, к отцу и матери, а они, наверное, уже плачут о нем: куда же ты пропал, сыночек наш дорогой, как же мы теперь без тебя жить будем? А он тут, как тут: здравствуйте, я вот он! Как начнут они его обнимать-целовать!

Малыш хихикнул, хотя слезы еще текли по его щекам, но тут же опять нахмурился:

— Да-а, я так хотел, чтоб у меня рыба настоящая жила...

— А потом гости соберутся, — сказал я, — и он начнет им рассказы-вать, как поймали его два великана, схватили и хотели в ведро посадить. Но не тут-то было! Он одному хвостом как дал! Тот — брык! Тут другой подбежал великан, еще больше, а карасик ему прям — бац-бац! И с берега как прыгнул! Узнали они теперь, как ловить карасика на удочку!

— Это он наврет все? — спросил Малыш.

— Конечно. Мальчишки ведь любят хвастаться.

— А если по правде?

— Ну, тогда скажет, что поймали его два великана, и один, поменьше, оказался добрым и выпустил его обратно в озеро. Теперь карасик того доброго запомнил. Если тот придет к озеру, то карасик покажет его всем своим знакомым, и они перестанут его бояться, а наоборот, будут подплывать к самому берегу и брать корм из его руки.

— Да, — сказал Малыш, — правда. Только пусть он не врет другим, я ведь ему ничего не сделал, только потрогал, и все. Другие мальчишки мучают природу, а я не мучаю. Я просто хотел, чтоб он пожил у нас в ванной, а потом я бы его обратно отпустил в озеро. Правда ведь?

Он помолчал. Слезы его высохли; он посмотрел на меня удивленно и сказал:

— А я знаю, кого слон боится! Робота!

После обеда, когда Малыш поспал, мы втроем отравились в парк. Сначала не собирались идти, потому что было пасмурно, дул ветер и моросил дождь. А потом все же решились, взяли два зонта и пошли.

Когда мы были уже в парке, дождь закончился, а ветер к нам не проник, он шумел сверху, в кронах деревьев, а внизу было тихо и уютно. Мы пришли к самому старому каштану в парке, и лавочка под ним оказалась совсем сухой. Малыш говорил без остановки — о богатых, о космонавтах, о змеях, которых он боялся, но очень хотел посмотреть. А мы с Наташкой говорили о своем, и в основном, кажется, говорил я — как странно устроена жизнь, очень зависит от случайностей, даже обидно, а в то же время вот ведь сложились эти случайности, и мы встретились, и у нас родился Малыш... Были, конечно, и ссоры, и Наташка даже заявляла в отчаянье — все, разводимся, но скажи: многие ли из наших ссор ты помнишь? Ведь даже в отчаянье мы не говорили друг другу слов, которые вспомнятся и через год, и через десять, а может, и к смерти.

— Хорошо бы научиться, — сказал я, — видеть, каким мы будем видеть настоящий день в будущем. Запомнится ли он, и чем. Я стараюсь этому научиться, и иногда получается. Просто не всегда об этом помнишь.

— Сегодняшний день, например, — сказала Наташка.

Я задумался, а Малыш тем временем нашел каштан и принес его показать, и нам он тоже понравился — приятный на ощупь, с неповторимым рисунком, и еще уютнее стало нам втроем, затерянным в пасмурном, безлюдном парке. А потом ветер вдруг зашумел в кронах, и в траву посыпались каштаны. Малыш бросился собирать их, он никогда не видел такого богатства, да еще, чтоб оно само сыпалось сверху; пахучую кожуру он собирал отдельно — делать ежиков, а каштанами набил карманы штанов и куртки, он даже запыхался, но остановиться не мог, потому что раз за разом над нами шумела листва, и новые каштаны сыпались и сыпались с мягким стуком, и мы с Наташкой тоже стали собирать их.

Внизу иногда потягивало сырым ветром, и я заставил ее запахнуть как следует плащ, а Малыш все откликнулся на стук каштанов, вскрикивал и бросался подбирать их, а сам говорил и говорил — почему они падают и как он их находит, и что он будет с ними делать.

— Видишь как, — сказал я ему, — в этой кожуре родился каштанчик, маленький совсем, и стал расти. Спал себе и спал, и рос. Видишь, какое приятное у него одеяльце.

Он взял у меня белый слой мякоти, отделенной от кожуры, и спросил:

— А теперь он что?

— Теперь он будет жить среди твоих игрушек. У тебя их много, и ему, наверное, будет интересно.

— А если б мы? — спросил он. — Если б мы в таком каштане родились?

— Наверное, упали бы на землю, — сказал я, — кто-нибудь нас подобрал бы, и мы бы стали у него жить.

Но ему этого было мало, и всю дорогу до дома он спрашивал и спрашивал: а падать с такой высоты больно? А если б мы разбились? А кто нас подберет?

Дома мы сложили каштаны в коробку, а шкурки спрятали отдельно — как-нибудь доберемся до них и сделаем целое стадо ежей.

К ночи Наташка устроила гладку, хотя перед этим собиралась спать — устала за день, но вдруг засуетилась, включила утюг и сняла с балкона белье. А мы с Малышом играли. Сначала в орлов и тигров, и мне приятно было ловить его и держать в руках, но он не может без движения ни секунды, сопит, вырывается; так и хочется укусить его за щеку или ногу — такой он мягкий, упругий, кожа пахнет цыпленком, и сам он цыпленок, хотя и любит играть в орлов, — наверное, всем цыплятам нравится играть в орлов.

А потом пришла Наташка и стала хмурить на нас брови:

— Вы что ж это? Обрадовались, что я занята, и давай не спать? Ну-ка быстро в кроватки! Время-то уже — ого-го! И никаких разговоров!

Я подумал, что Малыш слишком разыгрался и сейчас не сможет уснуть, и сказал:

— Мы ляжем. Правда. Только ты уходи. Ну пожалуйста, иди.

Она постояла немножко, но потом поверила и ушла.

— Я каменный человек, — сказал я так, будто всю жизнь разговаривал низким голосом и двигался еле-еле из-за своей непомерной тяжести и мощи. — Я самый сильный и никого не боюсь.

Малыш сначала удивился, а потом закричал:

— Я тоже каменный человек. И я никого не боюсь!

— Да, — сказал, — здравствуй, маленький каменный человек. Мы с тобой самые сильные и никого не боимся, потому что любого можем обратиться в камень. И орла, и тигра, и всех, кто нападет на нас. Мы ведь волшебные, дотронемся — и она окаменеют.

Я протянул ему руку, он дал мне свою, и в движениях его тоже была могучая медлительность, а чтоб все боялись его гнева, он хмурил брови, но складок между ними так и не возникло.

— Только знаешь, что, — сказал он басом, — давай орлов не будем обращать в камень. Лучше мы с ними подружимся, и они нам будут летать на разведку.

Я согласился, и мы решили заключить с орлами союз, а потом оба каменных человека стали обращать в камень все вещи, которые были в комнате. И когда все было превращено, большой каменный человек вдруг сказал:

— Ох, как же я забыл! Сколько сейчас времени?

— Двадцать, — ответили ему, — двадцать часов сто минут.

— Неужели двадцать? Тогда быстрее! Если каменный человек не ляжет спать в назначенное время, он рассыплется в пыль. Я знал одного, ему враги специально не дали спать, и он рассыпался. Садись, я доведу тебя до нашей каменной пещеры, а то опоздаем, и тогда все — рассыплемся оба.

Я довел его, положил в постель и сказал:

— Никто не смог бы спать на этой каменной подушке, только каменный человек. И одеялом каменным накрываться... Не тяжело тебе? А то ведь эта глыба кого хочешь может раздавить.

— Нет, мне не тяжело, — сказал он, вздохнул и закрыл глаза.

Еще минут пять он не спал, ворочался и один раз хотел что-то сказать — наверное, что-нибудь про орлов, но так и не сказал.

Спит маленький каменный человек, сопит себе. Мы с Наташкой стоим и смотрим. Можно вечно смотреть на огонь, текущую воду и на спящего ребенка.

Перед сном я лежал и думал: ну что, сегодняшний день — идеальный? Нет, пожалуй. Были с утра и капризы малыша, и раздражение из-за них, потом еще с Наташкой пару раз возникали недоразумения, да так и не разрешились. Я старался вспомнить подробности их, чтоб хоть немного почувствовать себя несчастным, а потом заснул и забыл, удалось мне стать несчастным или нет.

Ночью я проснулся и сразу не понял, отчего, а потом посмотрел на Наташку и увидел, что она плачет. Без звуков и всхлипываний, просто лежит с открытыми глазами, и по щекам ползут слезы.

— Ты что, — спросил я. — Что случилось?

Она молчала, а ко мне поползло старое предчувствие: вся жизнь наша и благополучие — ложь, фортуна готовит мне что-то особенно гадкое и заставляет всех лгать мне, и они лгут — не потому, что злые, а просто что-то знают, но не говорят, как человеку со смертельной болезнью.

— Наташ, — сказал я и положил руку на ее плечо.

Она не перестала плакать и только посмотрела на меня безразлично, как на человека незнакомого или, наоборот, слишком близкого.

— Сон приснился, — прошептала она.

Я лежал под уютным одеялом, и рядом была моя ласковая и доверчивая жена, способная расстроиться и плакать из-за плохого сна; утром

я проснусь и услышу, как напеваает она на кухне, тихо, чтоб не разбудить малыша; еще я вспомнил, как будит она меня на работу: подойдет и дотронется пальцем до носа или подбородка, а я с закрытыми глазами щелкну зубами, пугая ее — ведь я уже почти проснулся. Потому что если ты каждый день идешь на работу, то и сам начинаешь просыпаться к нужному времени. Если же Наташка устала или не выспалась, она просто берет меня за руку, и это мне тоже нравится — обычные будни, не все же праздник.

— Что за сон? — спросил я. — Наверное, ужасный, раз ты так переживаешь?

— Что война началась, — сказала она. — Атомная.

Мы лежали тихо, а она все плакала и никак не могла остановиться. Я не утешал ее. Я думал: может, и вправду не стоит нам заводить второго ребенка. Так страшно думать, что малыш может сломать руку или ногу, открытый перелом — это слишком жутко; или ему могут попасть камнем или палкой в глаз, и я стараюсь не думать об этом, хотя однажды, в глубоком детстве, мне самому попали камнем в глаз, и он был слеп целых полгода, а я тогда не воспринимал это как трагедию, игры продолжались, и лишь теперь я понимаю, каким ужасом это было для моих отца и матери. Но теперь совсем другое дело, мне и самому изредка снится война, снится и раньше, но тогда это было приключение, а теперь, проснувшись среди ночи от такого сна, впору и самому заплакать, хоть и мужчина, — если б можно было кого-то этим умиловить.

Мы еще долго лежали молча, и Наташка перестала плакать, но слез не вытирала. И на двоих у нас было, наверное, одно чувство: будто эта самая последняя война, которая долго грозилась, все же пришла, и теперь поздно кричать от страха или плакать, можно только слушать, как дышит малыш; он не ворочается и лежит во сне тихо, будто чувствуя беду. Мне казалось, что Наташка тоже прислушивается и измеряет остатки времени его дыханием.

А потом как-то незаметно я уснул.

Утром Наташка подошла своей кошачьей походкой — я почувствовал ее совсем рядом — и, тронув мой лоб пальцем, сказала:

— Вставай, соня. Разоспался. На работу пойдешь?

Сны мои разлетелись — будто тетрадка на ветру прошелестела. Я открыл глаза и вошел в обыкновенный будничный день.